

УДК 141.3

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: МЕЖДУ ИСТОРИЗМОМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ

¹Дёмин И.В., ²Богданова Н.М.

¹ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королёва», Самара, e-mail: ilyadem83@yandex.ru;

²ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», Самара, e-mail: bo-na-mi@yandex.ru

Проясняется соотношение между понятиями «история» и «традиция» в контексте современной философии истории. Выделяются две крайние позиции по этому вопросу (историзм и традиционализм), выявляются их сходства и различия. Также выявляется их общее основание, в качестве которого выступает утвердившееся в западноевропейской метафизике понимание истории как процесса изменения и развития сущего во времени. Показывается, что в современной неклассической философии истории феномен традиции растворяется в культуре и сводится к сугубо человеческому уровню существования, тогда как в традиционализме история противопоставляется традиции, а сама традиция выводится за пределы исторического и человеческого измерений бытия. Обосновывается необходимость обращения к герменевтической философии, преодолевающей крайности традиционализма и историзма (антитрадиционализма) в трактовке феномена традиции.

Ключевые слова: история, традиция, историзм, философия истории, традиционализм

THE PHENOMENON OF TRADITION IN THE CONTEXT OF THE MODERN PHILOSOPHY OF HISTORY: BETWEEN HISTORY AND TRADITIONALISM

¹Demin I.V., ²Bogdanova N.M.

¹Samara State Aerospace University n.a. S.P. Korolev, Samara, e-mail: ilyadem83@yandex.ru;

²Samara state University, Samara, e-mail: bo-na-mi@yandex.ru

The relation between the notions of «history» and «tradition» in the context of the modern philosophy of history is clarified in the article. Two extreme positions on this issue (historicism and traditionalism) are defined; its similarities and differences are identified by authors. Also its common foundation is identified, that is the understanding of history as a process of change and development the existing in time which is established in Western metaphysics. The authors discuss a point that the phenomenon of tradition dissolves in culture in the modern non-classical philosophy of history and is reduced to a purely human level of existence, while in traditionalism the history is opposed to the tradition and the tradition is displayed outside the historical and human dimensions of existence. The necessity of the appeal to hermeneutical philosophy, which overcome the extremes of traditionalism and historicism (anti-traditionalism) in the interpretation of the phenomenon of tradition is grounded.

Keywords: history, tradition, historicism, philosophy of history, traditionalism

Термин «традиция», как известно, происходит от латинского слова «traditio» (что означает «передача»). Феномен традиции может быть рассмотрен в двух основных аспектах: содержательном (что именно передаётся) и «процессуальном» (сам факт передачи, а также способы и формы, в которых и через которые эта передача совершается). Содержательный аспект традиции по преимуществу находится в компетенции частных социально-гуманитарных наук, тогда как процессуальный аспект (традиция как «предание», нем. «Überlieferung») является главным образом темой философского осмысления.

Феномен традиции, рассматриваемый в его «процессуальном» аспекте, оказывается теснейшим образом связанным с историей и историчностью, в связи с чем вопрос о соотношении истории и традиции в контексте философии истории получает принципиальное значение. Особую остроту этот вопрос приобретает в неклассической или постметафизической философии исто-

рии, в которой само понятие истории подвергается радикальному переосмыслению. Становление постметафизической философии истории связано с именами Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, М. Фуко, Х. Уайта и др. [4, с. 16–17].

В истории западноевропейской философии можно выделить две крайние точки зрения по вопросу о соотношении «истории» и «традиции». С некоторой долей условности их можно обозначить как «историзм» и «традиционализм».

«Историзм» представляет собой крайне многозначное понятие, вбирающее в себя самые различные (а зачастую даже и взаимоисключающие) трактовки истории в её соотношении с человеческим бытием. Применительно к западноевропейской философии последних трёх веков можно говорить о двух типах или о двух «парадигмах» историзма: классическом и неклассическом. Несмотря на все различия между классическим и неклассическим историзмом, можно тем не менее рассматривать историзм как

один из наиболее важных философских и мировоззренческих принципов новоевропейской культуры как таковой.

Классический историзм представляет собой фундаментальную установку метафизической (или «спекулятивной») философии истории, парадигмальными образцами которой можно считать теории исторического процесса Гегеля и Маркса. Для классического историзма характерны следующие основные черты: линейная концепция времени, идея развития (прогресса), финалистский детерминизм, телеологизм, презумпция наличия универсальных закономерностей исторического развития и т.д. [10, с. 353].

Для неклассического историзма (от Дильтея до М. Фуко и нарративной философии истории) характерна критика телеологических построений спекулятивной философии истории, реабилитация понятия исторической случайности, отказ от презумпции наличия универсальных исторических законов, отказ от идеи «всемирной истории», историзация и релятивизация тех аспектов человеческого бытия, которые в классическом историзме выводились за пределы истории, полагались в качестве «внеисторических» [7].

Если в классическом историзме делался акцент на обусловленности настоящего прошлым и/или будущим (соответственно, господствовала установка детерминизма и/или телеологизма), то в различных версиях неклассической философии истории, напротив, утверждается определенность прошлого и будущего настоящим. *Презентизм* становится наиболее полным выражением неклассического историзма.

Согласно Ф.-Р. Анкерсмицу: «историзм <...> есть своего рода дом, расположенный на полдороге между эссенциализмом спекулятивных философий, с одной стороны, и постмодернизмом – с другой <...> постмодернизм является последовательным и радикальным историзмом, который больше не остановится на полпути» [1, с. 363]. Другими словами, принцип историзма уже с самого начала своего возникновения (в немецкой классической философии) заключал в себе возможность радикальной трансформации западноевропейской метафизики, он с самого начала содержал в себе семена того, что впоследствии будет названо «философским постмодернизмом». С одной стороны, «философский постмодернизм» (М. Фуко, Р. Рорти, Ж. Бодрийяр и др.) представляет собой последовательный и доведённый до своего логического предела *историзм*, с другой стороны, сама История здесь разоблачается в качестве

мифа [2, с. 69], а для характеристики культуры постмодерна используется термин «постистория».

Различие двух типов историзма заключается в том, что в классическом историзме историзировались лишь *формы воплощения* различных инстанций или сущностей, которые сами по себе были выведены за пределы исторического времени (Бог, «идеи», «ценности», трансцендентальный субъект), тогда как в неклассическом историзме историзируются и релятивизируются не только явления (*проявления*), но и сами сущности: всё исторично, ничто не существует вне истории, Бытие редуцируется к становлению, а становление отождествляется с историей как таковой. Таким образом, окончательно стирается грань между «историческим» и «внеисторическим». Согласно Ю.В. Перову, определяющей для неклассической философии истории становится «констатация того, что у всего: у человека, общества, культуры, сознания есть история и что все затронуто историческими изменениями» [7, с. 31]. История занимает то место, которое в рамках классической европейской метафизики принадлежало субстанции.

Несмотря на существенное различие и даже противоположность установок классического и неклассического историзма, для обеих парадигм философии истории фундирующим остаётся метафизическое понимание времени как «череды моментов», а истории – как изменения и/или развития «во времени». Понимания истории как процесса изменения/развития, а историчности – как временной изменчивости, относительности, непостоянства и «преходящести» всякого сущего – вот что роднит классическую («спекулятивную») и неклассическую версии философии истории. Вопрос о том, мыслится ли историческое время в «парадигме луча» (линейное «однонаправленное» время), в «парадигме круга» (циклическое время) [5] или в парадигме «ризомы» (нелинейная темпоральная процессуальность), является, конечно, важным, но не определяющим. В этой связи следует признать, что опыт переосмысления времени, истории и историчности в контексте феноменологической и герменевтической философской традиции (Хайдеггер, Гадамер, Мерло-Понти) в современной постметафизической философии истории был учтён далеко не в полной мере.

В отличие от классического историзма, который представлял собой вполне определённую философскую и мировоззренческую позицию, неклассический историзм изначально содержит в себе две

разнонаправленные тенденции: *историзацию* и *деисторизацию*. Вторая тенденция находит наиболее полное выражение в широко обсуждаемой идее «конца истории» («постистории»). Под «концом истории» в постмодернистском идейном контексте понимается не «завершение» исторического процесса в духе К. Маркса или Ф. Фукуямы (идея так понятого «конца истории» вполне укладывается в парадигму классического историзма), но фундаментальные изменения в современной *культуре*, кардинальная трансформация (и даже не распад) самого исторического сознания.

В современной исследовательской литературе наибольшее внимание этому аспекту неклассического историзма, а также проблеме соотношения культуры и традиции уделяет Б.Г. Соколов. Рассматриваемая проблема ставится и решается Соколовым в контексте *философии культуры*.

Под «историчностью» Соколов понимает сущностную *характеристику* и *размерность* определённого «культурно-исторического типа сознания». «Историчность» – это специфическая черта, присущая, прежде всего, западной христианской культуре. Размывание оснований данного культурно-исторического типа сознания в эпоху «постмодерна» приводит к утрате историчности как специфической *размерности* человеческого бытия [8, с. 48].

История и историчность в трактовке Соколова есть нечто, обусловленное культурой, *производное* от культуры. Культура же определяется как «“пространство” посредством которого и в котором происходит формование, создание человека» [8, с. 32].

Для прояснения соотношения понятий «культура», «история», «традиция» Соколов использует термин «традирование». Традирование есть сохранение и «формование», опирающееся на *предшествующее* [8, с. 41]. «Традирование сущностно ориентировано на прошлое, само существование традиции есть прежде всего воссоздание прошлого, связь с прошлым» [8, с. 45].

С одной стороны, культура и механизмы её сохранения и трансляции (традирование) очерчивают и конституируют пространство человеческого существования, с другой стороны, сам человек «является формующей, «материальной», начальной и финальной причиной существования культуры» [8, с. 43]. Это относится и к феномену традиции: «Именно человек выступает тем формующим, причиняющим «окружением» традиции, что приводит ее к существованию. Лишь в, через, для и «внутри» человека есть традиция» [8, с. 43].

Таким образом, «культура» и «традиция» сплавляются в единое понятие *культурной традиции*, которая всегда связана с определённым типом культурно-исторического сознания. Основная теоретическая проблема, с которой сталкивается подобная трактовка, заключается в следующем: как зафиксировать/констатировать/концептуализировать *смену* или *трансформацию* культурно-исторического типа сознания и соответствующей ему культурной традиции, если культурно-историческое сознание – это и есть *то, что* формует/определяет/задаёт всю «индивидуальную ментальную оптику» [9, с. 24], т.е. сам *горизонт* нашего мышления, понимания и действия? Как можно зафиксировать «сдвиг», «изменение» или «трансформацию» в культурно-историческом типе сознания, если сами эти «изменения» и «трансформации» обретают какой-либо смысл лишь в контексте *определённого типа культурно-исторического сознания*, в контексте определённой культурной традиции, для которого характерна «историческая размерность»? Понятие «культурно-исторического типа сознания», одной из размерностей которого выступает «историчность», само уже предполагает «идею истории».

Термин «история» в контексте современной философии истории используется в двух различных смыслах, которые едва ли могут быть согласованы друг с другом: с одной стороны, история – это характеристика и размерность определённой культурной традиции и определённого *культурно-исторического* типа сознания, с другой стороны, поскольку речь идёт о трансформации самой культуры, о смене культурных традиций и господствующих типов сознания, история приобретает всеобъемлющий и вездесущий характер. В первом случае «традиция» по отношению к «истории» выступает в качестве *фундирующего* феномена («история» представляет собой характеристику не *культуры как таковой*, но вполне *определённой*, а именно европейской и христианской, *культурной традиции*), во втором случае традиция рассматривается в качестве одного из структурных элементов истории как исторического бытия человека/общества/культуры.

Посмотрим теперь, как трактуется соотношение истории и традиции в контексте традиционализма.

Под «традиционализмом» в данном случае понимаются не столько мировоззрение и идеология, сложившиеся в Европе в 20–30-х гг. XX в., сколько философская позиция, имеющая свои истоки в европейской философии, в частности, в немецком романтизме [6].

Позиция традиционалистов в области философии истории определяется принципиальным различием (*растождествлением*) понятий «традиция» и «культура», «традиция» и «история», «традиция» и «человек». Так, основоположник философского традиционализма Р. Генон порывает с утвердившимся «расхожим» пониманием традиции как «традиции *чего-то*». Он отмечает, что в повседневном словоупотреблении «традиция» смешивается с «обычаем» и «привычкой», то есть с вещами, «принадлежащими самому низкому уровню человеческого существования и поэтому совершенно лишены какого-либо глубокого смысла» [3, с. 56]. Однако искажение подлинного смысла традиции характерно не только для обыденного словоупотребления, но и для философских учений, которые «низводят традицию до чисто человеческого уровня» [3, с. 57]. В действительности же, наоборот, «к традиции имеет отношение только то, что включает в себя элементы сверхчеловеческого порядка» [11, с. 95–96].

В традиционализме различаются «чисто человеческий» («профанный») уровень существования и сакральное измерение первоначальной Традиции. Вещи, берущие свое начало на чисто человеческом уровне существования, не могут квалифицироваться как «традиционные» и, следовательно, невозможно всерьёз говорить о «философской», «научной» или «политической» традициях. Изначальная традиция имеет *сакральный* характер и «все, к чему применимо понятие «традиция», в сущности, осталось таким же, каким и было изначально; имеется в виду то, что было передано от предыдущего состояния человечества до наших дней» [3, с. 58].

Не касаясь здесь вопроса о содержании примордиальной традиции и не затрагивая саму метафизику традиционализма, посмотрим, какие следствия могут вытекать из этой позиции для современной философии истории.

Позицию традиционалистов в области философии истории можно обозначить как последовательный *антиисторизм*. Наибольшее внимание критике историзма в контексте традиционалистской установки уделял ученик Генона Ю. Эвола. Эвола отмечает, что «историзм» представляет собой специфический продукт новоевропейской цивилизации: «Первостепенная значимость, придаваемая понятию «история», есть чисто современное явление, чуждое всякой нормальной цивилизации» [11, с. 96].

Острые критики традиционализма направлены против классического историзма, в котором идея Истории «тесно свя-

зана с идеей «прогресса» и «эволюции»» [11, с. 96]. Классический историзм был «неотъемлемой частью прогрессистского и просветительского оптимизма, характерного для всего XIX века и заложившего основы рационалистической научно-технической цивилизации» [11, с. 96]. В этом смысле для философов-традиционалистов, ориентированных подчеркнуто антипрогрессистски и антирационалистически, на первый план выходит задача развенчать «миф «Истории» с большой буквы» [11, с. 99]. «Традиционалисты – отмечает Макаров, – объявляют историзм любого вида главной причиной всех бед современной европейской цивилизации» [6, с. 278].

Нетрудно заметить, что традиционалистская установка в области философии истории представляет собой *перевернутый вариант классического историзма*, в котором каждый тезис заменён антитезисом. В частности, понимание истории как прогресса заменяется трактовкой исторического времени как регресса и «деградации».

Традиционализм является не столько *преодолением* историзма, сколько его *отрицанием* и *переворачиванием*. Принципиальное сходство между традиционализмом и неклассическим историзмом можно усмотреть в том, что история рассматривается в качестве универсалии *западной* культуры, в качестве особенности иудео-христианского культурно-исторического типа сознания, а История (с большой буквы, то есть «всемирная история») объявляется «мифом» европейской цивилизации. Макаров, отмечая парадоксальное сходство трактовок истории в традиционализме и в философском постмодернизме, усматривает источник этого сходства в *нигилистической* природе обоих этих течений современной мысли [8, с. 283].

Следует, однако, отметить и существенные различия в трактовке истории и традиции: в неклассической философии развенчание идеи Истории проводится во имя принципа «универсальной историчности» (во имя историзации и «релятивизации» сущностей), а традиция растворяется в культуре и сводится к сугубо человеческому уровню существования; в традиционализме же «десакрализация» истории оказывается неразрывно связана с сакрализацией традиции, с открытием измерения «примордиальной» Традиции и с вынесением её за пределы исторического и человеческого измерений существования.

Таким образом, традиционализм и неклассический (универсальный) историзм представляют собой два противоположных подхода к проблеме «история и традиция». Эти противоположности, однако, имеют об-

щее основание. В качестве такового выступает утвердившееся в западноевропейской метафизике понимание истории как процесса изменения/развития во времени. Постметафизическая философия истории в лице, прежде всего, нарративной историософии, делегитимируя «метанарративы» «Истории» и «Прогресса», тем не менее остаётся негативно зависимой от метафизики. В этой связи представляется актуальным обращение к феноменологической и герменевтической философской традиции, в которой разрабатывается неметафизическое понимание времени и истории и преодолеваются крайности традиционализма и историзма (анти-традиционализма) в трактовке феномена традиции.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Колomoец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция: пер. О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
3. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике: пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Азбука, 2000. – 320 с.
4. Дёмин И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2012. – № 1 (11). – С. 16–25.
5. Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М.: Арктогея-центр, 2002. – 418 с.
6. Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 6. – М., 2001. – С. 275–283.
7. Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 144 с.
8. Соколов Б.Г. Культура и традиция // Метафизические исследования. Вып. 4. Культура. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 27–49.
9. Соколов Б.Г. Онтология музея и культурного наследия. Ч. 1. – СПб.: СПбГУ; ВВМ, 2010. – 126 с.
10. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
11. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа: пер. с исп. В.Б. Ванюшкиной. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 445 с.

References

1. Ankersmit F.R. *Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metafore]. Trans. from English. M. Kukartzeva, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow, Progress-Tradicija, 2003, 496 p.
2. Bodrijjar Zh. *Simuljakry i simuljacija* [Simulacra and Simulation]. Trans from Fr. O.A. Pechenkina. Tula, 2013, 204 p.
3. Genon R. *Očerki o tradicii i metafizike* [The sketches about tradition and metaphysics]. Trans. from Fr. V.Ju. Bystrova. Saints-Petersburg, Azbuka, 2000, 320 p.
4. Demin I.V. *Fenomen nostalgii v gorizonte postmetafizicheskoj filosofii istorii* [Phenomenon of nostalgia in the horizon of the post-metaphysical philosophy of history]. Vestnik of Samara humanitarian Academy. A Series «Philosophy. Philology». 2006, no.1 (11), pp. 16–25.
5. Dugin A.G. *Jevoljucija paradigmal'nyh osnovanij nauki* [The evolution of paradigmatic foundations of science]. Moscow, Arktogeja-centr, 2002, 418 p.
6. Makarov A.I. *Tradicija protiv istorii v filosofii sovremenogo evropejskogo tradicionalizma* [Tradition against the history in the philosophy of modern European traditionalism]. Vol. 6. Moscow, 2001, pp. 275–283.
7. Perov Ju.V. *Istorichnost' i istoricheskaja real'nost'* [Historicity and historical reality]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg philosophical society, 2000, 144 p.
8. Sokolov B.G. *Kul'tura i tradicija* [Culture and tradition]. Metaphysical studies, Saint-Petersburg, Aletejja, 1997, no. 4. Culture, pp. 27–49.
9. Sokolov B.G. *Ontologija muzeja i kul'turnogo nasledija* Ch. 1. [The ontology of the Museum and cultural heritage. Part 1]. Saint-Petersburg, SPbSU, 2010, 126 p.
10. Solov'ev Je.Ju. *Proshloe tolkuet nas: (Očerki po istorii filosofii i kul'tury)* [The past interprets us. The essays on the history of philosophy and culture]. Moscow, Politizdat, 1991, 432 p.
11. Jevola Ju. *Ljudi i ruiny. Kritika fashizma: vzgljad sprava* [People and ruins. Criticism of fascism: a view from the right]. Trans. from Isp. V.B. Vanjushkinoj. Moscow, АСТ: АСТ Moscow: the Guardian, 2007, 445 p.

Рецензенты:

Нестеров А.Ю., д.ф.н., заведующий кафедрой философии и истории, Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королёва, г. Самара;

Таллер Р.И., д.ф.н., профессор кафедры философии и истории, Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королёва, г. Самара.

Работа поступила в редакцию 11.04.2014.